

DOI: 10.31857/S241377150007800-3

“Санскритские очки” европейской лингвистики

© 2019 г. О. А. Волошина

Кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
oxanav2005@mail.ru

*Дата поступления материала в редакцию 23 октября 2019 г.
Дата публикации: 31 декабря 2019 г.*

Резюме. Статья посвящена выявлению влияния санскрита и принципов описания языка, разработанных в древнеиндийской грамматике Панини, на европейскую лингвистику XIX и XX веков. Анализ базовых представлений об устройстве языка и методов лингвистического анализа, предложенных в древнеиндийских грамматиках, позволяет говорить о влиянии идей санскритских грамматистов на формирование компаративистики, типологии и даже структурного направления в европейской лингвистике.

Ключевые слова: древнеиндийская грамматика Панини, санскрит, европейская лингвистика.

Для цитирования: Волошина О.А. “Санскритские очки” европейской лингвистики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 6. С. 5–15. DOI: 10.31857/S241377150007800-3

“Sanskrit Glasses” of European Linguistics

© 2019 Oksana A. Voloshina

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
oxanav2005@mail.ru

*Received: October 23, 2019
Date of publication: December 31, 2019*

Abstract. The research is devoted to the influence of Sanskrit and the principles of language description developed in ancient Indian grammar by Panini upon European linguistics of the 19th and 20th centuries. The studying of the basic ideas about the structure of language and the methods of linguistic analysis proposed in ancient Indian grammars makes it possible to speak about the influence of the ideas of Sanskrit grammarians on the formation of comparativistic studies, typology and even structural approach in European linguistics.

Key words: ancient Indian grammar of Panini, Sanskrit, european linguistics.

For citation: Voloshina, O.A. “Sanskritskie ochki” evropejskoj lingvistiki [“Sanskrit Glasses” of European Linguistics]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 6, pp. 5–15 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150007800-3

Идеи древнеиндийских грамматистов, изложенные в трактах Веданги, существенно повлияли не только на становление сравнительно-исторического языкознания и типологии в XIX веке, но и на формирование структурализма как главного

лингвистического направления, определившего вектор развития науки о языке в XX веке. Основные идеи и методы индийского языкознания заимствовались и более или менее успешно осваивались мировой лингвистикой XIX и XX веков,

причем оторванные от породившего их научно-религиозного контекста, древнеиндийские лингвистические понятия преобразались, искажались, по-разному интерпретировались современными научными направлениями.

В работе предпринимается попытка выявления влияния древнеиндийского языкознания (в частности, идей индийских грамматиков) на теоретические формулировки и методы исследования различных направлений европейской науки о языке. Самые разные лингвистические школы признавали в древнеиндийской грамматике Панини непревзойденный образец, обращались к методу анализа языка, разработанному в грамматике Панини, пытались заимствовать существенные научные понятия, подражать манере представления материала. Без преувеличения можно сказать, что “весьма значительная часть современной лингвистики возникла как размышления над сущностью метода Панини” [1, с. 98].

Историки языкознания, как известно, связывают становление индоевропейской компаративистики XIX в. с публикацией в 1816 году работы Франца Боппа [2], знаменитый труд Фридриха Шлегеля “О языке и мудрости индийцев” [3] считают исходной точкой развития лингвистической типологии, а идеи структурализма, согласно общепринятой точке зрения, впервые были сформулированы Фердинандом де Соссюром в начале XX века. Однако новая лингвистическая парадигма возникает не вдруг, новое научное направление формируется под воздействием (часто неосознаваемым) идей предшественников и современных ученых, является результатом синтеза разных источников. Как мы попробуем показать далее, влияние самого “материала” санскрита и приемов описания языка, изложенных в лингвистических трактатах Веданги, было так велико, что можно говорить о “санскритских очках” европейской лингвистики¹. Речь идет об ориентации на санскрит

не только при реконструкции индоевропейского праязыка в рамках сравнительно-исторического языкознания, но и при описании принципов устройства языковой системы в целом, о том, что определенный язык (в данном случае санскрит) воспринимается учеными как образец, с которым сравниваются все остальные языки мира.

Именно санскрит, как известно, явился катализатором становления индоевропейской компаративистики, ведь архаичные черты древнеиндийского языка стали тем фоном, на котором родство классических европейских языков — древнегреческого и латинского — становилось очевидным. Ф. де Соссюр писал о роли санскрита: “сохраняемые им первоначальные элементы прекрасно помогают исследованию, и в огромном большинстве случаев именно санскрит оказывается в положении языка, разъясняющего различные явления в других языках” [4, с. 41]. Ориентация на санскрит как на древнейший индоевропейский язык, наиболее приближенный к праязыку, сохранялась на протяжении всего XIX века, с большим трудом индоевропейской компаративистике удалось “снять санскритские очки” и убедиться в том, что наряду с очевидными архаичными чертами древнеиндийский язык содержит и ряд инноваций, возникших в результате его исторического развития под влиянием различных факторов (в том числе и под влиянием дравидийских языков местного населения полуострова Индостан). “Санскритские очки” не позволили языковедам XIX века определить место санскрита среди других древних индоевропейских языков и способствовали неверному истолкованию многих фактов индоевропейской фонетики и грамматики. В частности, признание санскритского гласного *a* древнейшим звуком индоевропейского вокализма не могло объяснить многочисленных чередований в древних языках, и только понимание того, что не древнейший санскритский *a* “расщепился” в древнегреческом и латинском на *e* и *o*, а, наоборот, разные звуки слились в санскрите в единый *a*, позволило пролить свет на многие сложные вопросы индоевропейской фонетики [5, с. 82].

Однако не только сам языковой материал, но и разработанные индийцами методы исследования этого языка чрезвычайно обогатили европейскую лингвистику. Антуан Мейе в начале XX в. справедливо писал: «Знакомство с санскритом в двух отношениях имело решающее значение для создания сравнительной грамматики. Прежде всего, санскрит сохранил архаичную морфологию и систему согласных, позволяющих составить себе представление о том, чем мог быть индоевропейский язык... Во-вторых, индийские грамматики

¹ Об индоевропейских очках лингвистики XIX века писал Г. Шухардт, предлагая ученым-компаративистам избавиться от взгляда на индоевропейские языки как на образцовую языковую семью, с которой сравниваются другие языки мира. Такой пристрастный взгляд, по мнению Шухардта, неизбежно искажал общую картину сопоставительного анализа языков мира. Шухардт считал, что снять “индоевропейские очки” европейцам поможет привлечение экзотического лингвистического материала, в частности неиндоевропейских языков Европы. В статье “Баскский язык и языкознание” он писал, что благодаря баскскому языку ученые «избавились от индоевропейских “очков” и перестали, например, отделять имя от глагола, как это делали раньше» [7, с. 173]. “Очки” изменяют реально существующие языковые факты, не позволяют беспристрастно оценивать языковые явления, навязывая строй языка-эталона в качестве образца.

произвели до самых мельчайших подробностей анализ фонетики и грамматики этого древнего языка; с начала XIX в. грамматики Кольбрука, Уилкинса (1808), Кери, Форстера, список корней Уилкинса (1815), издание “Амаракоша” и других туземных словарей, предпринятое Кольбруком (Калькутта, 1807), ознакомили европейских ученых с важнейшими результатами работы индийских грамматиков; в той широкой мере, в какой санскрит представляет индоевропейскую фонетику и морфологию, здесь уже был налицо независимый от греческих теорий анализ индоевропейской грамматики, достаточный для обновления лингвистических представлений и покоящийся на наблюдении фактов» [6, с. 448].

Представление о том, что слово синтезируется из морфем разного типа (корня и аффиксов), нашедшее отражение в знаменитой грамматике Панини Аштадхьяи, способствовало внедрению в лингвистический обиход и активному использованию понятия (и термина) морфема в трудах европейских ученых.

Еще в начале XIX века Франц Бопп, воодушевленный идеями древнеиндийских грамматистов, стал членить словоформы на морфемы и сравнивать глагольные флексии санскрита, латинского, древнегреческого и авестийского языков. Основной задачей лингвистического исследования Бопп провозглашает описание морфем (в формулировке Боппа “наделенных значением элементов”) [8, с. 111] и объяснение происхождения грамматических форм. Заимствуя приемы наивного этимологического анализа древнеиндийских лингвистических трактатов, Бопп пишет: «В санскрите и родственных ему языках существуют два класса корней; из одного, более многочисленного, возникают глаголы и имена... Из второго класса возникают местоимения, все древнейшие предлоги, союзы и частицы; мы называем их “местоименными корнями”, так как они выражают местоименные понятия...» [8, с. 109]. Полностью разделяя представление древнеиндийских грамматистов о происхождении глагольной словоформы путем соединения двух типов корней (знаменательных и служебных), Бопп пытается возвести глагольные флексии к личным местоимениям и объяснить формирование системы спряжения в индоевропейских языках соединением (агглютинацией) в словоформе двух типов корней — знаменательного (собственно корня) и служебного (аффикса), выражающего грамматические отношения. Доказательство гипотезы агглютинации двух типов морфем при формировании словоформы индоевропейских языков стало главной задачей Ф. Боппа.

В соответствии с принятыми в древнеиндийской лингвистической традиции описаниями Бопп посвящает отдельную главу (“О корнях”) характеристике корня как главной морфемы в словоформе санскрита и других индоевропейских языков. Очевидно, что представление об исходной корневой морфеме слова в индоевропейских языках возникло под влиянием индийской лингвистической традиции, ведь в древней Индии текст грамматики сопровождался приложением Дхату-патха — списком исходных корней санскритских словоформ. В контексте нашей работы важно обратить внимание на сам принцип членения словоформы на морфемы и, наоборот, синтез словоформы из различных морфем — принцип, на котором основано описание санскрита в грамматике Панини.

Например, в соответствии с предписанными грамматикой Панини правилами образования словоформ попробуем представить синтез именной словоформы женского рода именительного падежа единственного числа от глагольного корня bhū.

На первом этапе к исходному глагольному корню bhū (1.3.1)² [9, с. 139]³ прибавляем первичный именной суффикс kṛt (3.1.93). Термин kṛt является обозначением нескольких видов аффиксов, из которых в данном случае мы выбираем суффикс niṣṭha для синтеза отглагольной именной формы прошедшего времени (3.2.84). Термин niṣṭha также обозначает два типа аффиксов: Kta и Ktavat (1.1.26), для образования нужной нам формы мы выбираем аффикс Kta (3.3.114).

Полученная на данном этапе синтеза единица представляет собой именную основу prātipadika (1.2.45–46), к которой мы присоединяем вторичный именной суффикс taddhita (4.1.1). В результате получается цепочка ((bhū + kṛt) + taddhita).

Далее для получения вторичной именной основы применяем суффиксы, образующие основы женского рода (4.1.1.). В нашем случае воспользуемся суффиксом ṆiP (4.1.3,15): (((bhū + kṛt) + taddhita) + ṆiP).

В заключение к полученной вторичной именной основе женского рода присоединяем падежное окончание именительного падежа единственного

² Традиционно каждая сутра грамматики Панини нумеруется и обозначается последовательностью из трех цифр: первая цифра — это порядковый номер книги Восьмикнижия, вторая цифра — номер раздела и третья цифра — номер сутры. Например, сутра 1.3.1 — это первая сутра третьего раздела первой книги грамматики Панини.

³ Текст грамматики Панини цитируется по изданию Sharma R.N. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition — 2000), Vol. III. 1995. (The second edition — 2002), Vol. IV. 1999. Vol. V. 2001. Vol. VI 2003.